

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНВЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ

Филологический практикум

Составители:

Светлана Борисовна Адоньева,
Софья Олеговна Куприянова

Санкт-Петербург
2013

УДК 81-22
ББК 81.2-67 = 82.3 (2-Рос = Рус)
К 63

Исследования, включенные в издание, подготовлены в рамках проекта «Коммуникативные конвенции устной речи», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ № 2012-1.1-12-000-3004-6469.

Составители:

Светлана Борисовна Адоньева — доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ;
Софья Олеговна Куприянова — аспирант кафедры истории русской литературы
филологического факультета СПбГУ.

Рецензенты:

кандидат искусствоведческих наук, научный сотрудник РИИИ
Евгения Владимировна Хаздан;
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ
Мария Дмитриевна Воейкова.

Фотография на обложке Э. Уорнер:

деревня Кимжа Мезенского района Архангельской обл.

Рекомендовано к печати
Ученым советом филологического факультета СПбГУ

Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / Сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова, под общ. ред. С. Б. Адоньевой. — СПб., 2013. — 336 с. + 16 с. вкл.

ISBN

В настоящем сборнике представлены научные статьи преподавателей и аспирантов филологического факультета СПбГУ, полевые отчеты и доклады студентов 2007–2013 гг., а также публикации экспедиционных материалов. Объекты исследования разнообразны: социальные и языковые механизмы, позволяющие осваивать половозрастные роли, традиционные и новые символические практики (от обряда «убийства молодок» до рекламы), но авторов объединяет интерес к речевым и поведенческим практикам в России.

УДК 81-22
ББК 81.2 + 82.3 (2-Рос = Рус)

© Коллектив авторов, 2013
© Э. Уорнер, А. В. Козлова, Д. Д. Сытникова, И. С. Веселова, Н. А. Курзина, Л. В. Голубева, Л. Гайна, А. Т. Джафарова, О. П. Барсукова, фотографии, 2013.
© Оформление??

ISBN

Содержание

Введение 5

Статьи

Фольклор в свете теории коммуникации и конвенции сказочной речи
Адоньева Светлана Борисовна, Мариничева Юлия Юрьевна 11

Половозрастные статусы в устной речи и социальной практике
Адоньева Светлана Борисовна 24

Повседневные и символические практики:
правила метафорического переноса. Охотники и добыча
Веселова Инна Сергеевна 31

Платок как атрибут памяти в рекрутском обряде
Голубева Любовь Викторовна 57

Брак «самоходкой»
Каретникова Анастасия Сергеевна 74

Воспитательная функция колыбельных песен:
исследовательская традиция и культурный контекст
Куприянова Софья Олеговна 91

Жизненный сценарий советской женщины — «бойкая»
Мамаева Екатерина Сергеевна 100

«А если не помнить, так и жить незачем»:
практика «свободных» поминаний в Белозерье
Пономарева Марина Валерьевна 110

Фольклорный хор на Мезени: поведенческие стратегии участниц
Семенова Антонина Сергеевна 119

Маргинальная фигура в социальной практике и дискурсе: *примак*
Степанов Андрей Викторович, Хон Ольга Георгиевна 132

Приложение 153

Полевые отчеты и сообщения

Социальная топография деревенского кладбища
Барсукова Оксана Петровна 205

«Не ловленной не останется»:
убийство молодок на Заговенье как обряд перехода
Баукова Ксения Станиславовна 211

Рассказы о *порченных девках* как инструмент социального контроля
Борисова Анна Александровна 221

Даль 1956 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1956.

Козаченко 1957 — Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская Этнография. № 1. М., 1957. С. 57–71.

Макашина 1978 — Макашина Т. С. Свадебный обряд русского населения Латгалии // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Л., 1978. С. 138–159.

Максимов 1884 — Максимов С. В. Семикъ и самокрутка // Новости и биржевая газета. СПб. Четверг, 24 мая (5 июня) 1884.

Новик 1984 — Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. (Опыт сопоставления структур). М., 1984.

Остин 1999 — Остин Д. Как производить действия при помощи слов // Остин Д. Избранное. М., 1999. С. 13–135.

Современная баллада и жестокий романс 1996 — Современная баллада и жестокий романс. СПб., 1996.

Тенишев 2007а — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Часть 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.

Тенишев 2007b — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Часть 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007.

Тенишев 2007с — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Часть 4. Тотемский, Устьсыольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2007.

Фасмер 2007 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М., 2007.

Щапов 1970 — Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. № 10. М., 1970. С. 216–219.

Воспитательная функция колыбельных песен: исследовательская традиция и культурный контекст

Куприянова Софья Олеговна

Определение воспитательной направленности колыбельных песен стало общим местом исследовательской традиции. Воспитательная функция жанра не была предметом исследования, поскольку вопрос о функции колыбельных представлялся очевидным. История этого вопроса в отечественной научной и культурной традиции и составляет предмет настоящей статьи.

Если обратиться к истории изучения колыбельных, можно заметить, что восприятие колыбельных «как средства народного воспитания» появляется в определенном культурно-историческом контексте. А также и интерес к жанру возникает в период времени, когда категория воспитания предполагает вполне определенный смысл (а именно в последней трети XIX века).

Если мы обратимся к словарям, отражающим языковую ситуацию XVIII–XX веков, то увидим, что содержание, вкладываемое в понятие «воспитание», не было устойчивым. Попытавшись проследить, что вкладывалось и вкладывается в значение слова «воспитание», мы обнаружим, что оно представляет собой культурный концепт⁹⁰, а не понятие: его значение менялось, и эти изменения были идеологически значимы.

«Словарь русского языка XVIII века» фиксирует два основных значения глагола «воспитать». Первое значение относится к заботе о физическом аспекте: «Вырастить, вскормить (грудного младенца)» [СРЯ 1988: 85]. Второе значение отражает заботу о нравственном состоянии воспитуемого: «Вырастить ребенка в определенных жизнен-

⁹⁰ По определению Ю. С. Степанова, концепт, в отличие от понятия, включает «"пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Концепт — описание типичной ситуации культуры» [Степанов 2007: 19]. То есть в концепте находит отражение культурная и идеологическая ситуация.

ных условиях, обстановке, в определенных нравственных правилах» [Там же].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (воспроизводящем издание 1847 года) находим три значения слова «воспитывать». На первом месте — «вскармливать (детей)», на втором — «стараться о научении и образовании», и третье значение — «возвращать, воспитывать (растения)» [СЦРЯ 2001: I, 163].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (воспроизводящий издание 1880 года) отражает следующие значения: «воспитывать — заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; в низшем знач. вскармливать, возвращать (о растении), кормить и одевать до возраста; в высшем знач. научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [Даль 1935: 254].

Как мы видим, на первый план, как и в «Словаре русского языка XVIII века», и в словаре «Словаре церковнославянского и русского языка», составленном в середине XIX века, выходит восприятие «воспитания» как заботы о физическом «взрачивании» младенца.

«Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедший в 1937 году и отражающий языковую ситуацию 20–30-х годов XX века, на первое место помещает отнюдь не заботу о физическом воспитании, а «воздействие на развитие кого-чего-н.» [Ушаков 1994: 91]. Второе значение на первый взгляд совпадает с определениями словарей русского языка XVIII и XIX веков: «воспитанием сделать, образовывать» [Там же]. Однако разница в этом значении становится заметной, если обратить внимание на примеры контекстного употребления слова. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» XIX века иллюстрацией «образования, воспитания» служит следующий пример: «Воспитывать детей в правилах веры и благочестия — есть главный долг родителей» [СЦРЯ 2001: I, 163]. А в словаре Д. Н. Ушакова «образование» иллюстрируется цитатой из В. Ленина: «Вы должны воспитать из себя коммунистов» [Ушаков 1994: 91]. Переменной оказывается идеологическая составляющая, с изменением политической и культурной ситуации меняются идеалы «от веры и благочестия» к «коммунистическому будущему», но смысл «воспитания» как направленного воздействия остается.

В статье «Воспитание», помещенной в «Большой Советской Энциклопедии», главное внимание уделяется воспитанию как формированию личности: «Процесс целенаправленного, систематического формирования личности в целях подготовки ее к активному участию в общественной, производственной и культурной жизни... Формирование нового человека — строителя коммунистического общества — главная цель коммунистического воспитания, которое предполагает выработку научно-материалистического мировоззрения, превращение норм коммунистической морали в личные убеждения и правила повседневного поведения... Всестороннее развитие личности, сочетающей духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, становится реальным благодаря равным возможностям, которые предоставляются каждому члену социалистического общества» [БСЭ 1971: V, 235].

«Формирование» личности путем «воздействия» на физическую и нравственную стороны фиксируется как основное значение в словарях второй половины XX века: «путем систематического воздействия, влияния сформировать характер» [МАС 1981: I, 232]; «планомерное воздействие на умственное и физическое развитие детей, формирование их морального облика привитием им необходимых правил поведения» [ССРЛЯ 1991: II, 351]; «растить (ребенка, детей), воздействуя на умственное и физическое развитие, формируя характер, моральный облик, прививая необходимые правила поведения» [БАС 2005: III, 230]; «вырастить (ребенка), воздействуя на духовное и физическое развитие, дав образование, обучив правилам поведения» [Ожегов 2004: 345].

С течением времени, как мы видим, на первый план выходит идея передачи навыков психологического и социального свойства, а не забота о теле. Представляется, что такое смещение фокуса с понимания «воспитания» как заботы о физическом развитии к восприятию воспитания как формирования «нового человека — строителя коммунизма», обусловлено культурным и идеологическим контекстом. Н. К. Крупская в статьях «Женщина и воспитание детей» (1899), «К вопросу о коммунистическом воспитании молодежи» (1922), «Проблема коммунистического воспитания» (1924) высказывает мнение о том, что «правильное» воспитание — это, прежде

всего, дело общества, то есть власти, а не семьи. Женщина, по утверждению Крупской, не знает, как правильно воспитывать детей: «Итак, мы видим, что в большинстве случаев женщина-работница поставлена в полную невозможность разумно воспитывать своих детей. Она совершенно не подготовлена к роли воспитательницы: она не знает, что вредно, что полезно ребенку, не знает, чему и как учить его» [Крупская 1988: 16]. Правильное воспитание оказывается в компетенции новой власти: «...в октябре 1917 г. трудящиеся взяли в руки власть, они получили возможность воспитывать подрастающее поколение так, как они считают это нужным» [Там же: 78].

Функция воспитания оказывается в компетенции власти, а не семьи, родителей.

Возникновение интереса к жанрам детского фольклора и, в частности, к колыбельным песням обусловлено культурным и историческим контекстом. К. А. Богданов, исследуя понятие «народность», цитирует высказывание М. К. Азадовского о том, что «развитие фольклористики в несравнимо большей степени, чем история других научных дисциплин, демонстрирует взаимосвязь политической практики, общественных утопий и научной теории». [Богданов 2006: 145]. Это справедливо и по отношению к жанру колыбельных песен, поскольку изначально интерес к колыбельным был обусловлен восприятием жанра как «средства народной педагогики». Для того, чтобы приблизиться к пониманию идеологии «народности воспитания» и «народной педагогики», обратимся к работе исследователя детского фольклора М. Н. Мельникова [Мельников 1970]. В разделе, посвященном истории исследования жанра, автор подробно освещает историю педагогического движения последней четверти XIX века. Его значимыми историческими вехами было учреждение Петербургского педагогического собрания в 1859 году, а также реформы образования 1860-х годов в начальной гимназической и высшей школе. С конца 50-х и на протяжении 60-х годов XIX века выходят журналы «Воспитание» (изд. А. А. Чумиков), «Журнал для воспитания» (изд. П. Г. Редкин), журнал «Учитель» (изд. И. И. Паульсон). В задачи журналов входило исследование вопросов, связанных с воспитанием и обучением. Одним из участников и идеологов общественно-педагогического движения был К. Д. Ушинский, автор концепции «народности в

воспитании», не потерявшей своей популярности на протяжении всего XX века, о чем свидетельствуют исследования последних лет, посвященные анализу этой концепции [Гвоздецкий 2010]. В 1856 году выходит статья К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании». Пафос статьи заключен в том, что невозможно просто позаимствовать у другого народа систему воспитания и образования: «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях» [Ушинский 1856]. В идее о воспитании и образовании лежит мысль (унаследованная еще из педагогических сочинений Ж.-Ж. Руссо⁹¹) о разделении на природное и культурное («духовное» – по выражению К. Д. Ушинского). Если природное заложено в человеке изначально, то культурное вырабатывается посредством воспитания и культурных обстоятельств.

Итак, воспитательная функция колыбельных и восприятие колыбельных как средства народной педагогики имеет корни в концепции «народной педагогики», которая в России складывается к 60-м годам XIX века. Обратимся к исследованиям жанра, опирающимся на эту концепцию.

Первая работа, посвященная исследованию жанра, принадлежит А. Ветухову [Ветухов 1892]. Он предлагает классификацию жанра на «мотивы, посвященные исключительно ребенку»⁹², «песни со значительным лирическим элементом»⁹³, «песни на исторической подкладке»⁹⁴. Несмотря на то, что такая классификация не представляется хоть сколько-нибудь удовлетворительной с точки зрения систематики, эта работа важна для нас, поскольку в ней впервые высказана мысль о том, что колыбельные выражают внутренний мир исполнителя. В работе А. Ветухова были определены два подхода к колыбельным: с одной стороны, колыбельные – выражение внутреннего мира матери, а с другой – средство народного воспитания [Ветухов 1892: 113]. Мысль о том, что колыбельные – выражение внутреннего мира матери, развития не получила, зато воспитательная функция фиксировалась как основная на протяжении всей истории исследования этого жанра.

Для подтверждения того, что мнение А. Ветухова о воспитательной роли матери – это, прежде всего, идеологический штамп, приведем высказывание Н. Румянцева из статьи

⁹¹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1981.

⁹² К этому разделу автор относит песни, описывающие «мир животных» (кот, голуби, куры, воробей, козел, кукушка и т.д.) и «неодушевленные и отвлеченные предметы» (колыбель, сон) [Ветухов 1892: 144].

⁹³ Раздел предваряет следующий комментарий автора: «здесь мы от знакомства с внешним миром и бытом творца колыбельных песен переходим в область его внутреннего мира». [Там же: 129]. В этот раздел объединены следующие песни: 1) пожелания здоровья и счастья (например, мотивы «будешь в золоте ходить»); 2) радостные и грустные мечты матери. [Там же: 130].

⁹⁴ Сюда автор относит мотивы «воспоминания о татарах» и песни о «крепостном праве» [Там же: 139].

«Н. И. Пирогов. Его взгляды на природу детей и задачи воспитания»: «...лучшей воспитательницей является женщина, которая, по мнению Пирогова, и должна стоять у колыбели человечества. Ее естественное призвание – быть воспитательницей» [Румянцев 1910: 16]. Для сравнения приведем цитату из А. Ветухова: «Женщина является перед нами как мать, как кормилица и воспитательница будущих граждан, как дочь своего отечества и, наконец, как женщина вообще» [Ветухов 1892: 113]. Оба высказывания состоят преимущественно из идеологических формул и выражают скорее устойчивый гендерный стереотип, нежели реальное положение вещей.

Статья Г. О. Добрякова «О колыбельных песнях» была опубликована в журнале «Вестник воспитания». В задачи автора входило «выяснение вопросов образования и воспитания на основах научной педагогики». Исходя из такой направленности журнала, колыбельные песни понимаются автором как средства народной педагогики: «некоторые из таких песенок, побаяк, прибауток... могут служить хорошим педагогическим подспорьем, средством к воспитанию в здоровой, радостной атмосфере» [Добряков 1914: 152]. Мысль о воспитательном значении колыбельных воспринимается автором как факт, не требующий доказательств. Интересно, что эта мысль будет повторяться у многих исследователей, со ссылкой на работу Г. О. Добрякова: «Содержание колыбельных песен определяется их назначением в данный момент. По мере подрастания ребенка баюкают его песенками, рисующими мир предметов и явлений, окружающих ребенка. Подрастает ребенок – песни приобретают воспитательное значение, в них широко вводится нравоучительный элемент» [Мельников 1970: 37].

К. А. Богданов рассматривает функционирование жанра колыбельных в советской культуре. Колыбельные песни оказались востребованным жанром, активно используемым в советский период в кино, музыке, литературе, т. е. в сферах искусства, рассчитанных на массовую аудиторию. В колыбельных советской культуры стираются границы между приватным и публичным. «„Семейный фольклор“ становится в этих случаях общественным, „семейный нарратив“ – общенародным. Выражение нежных чувств к ребенку санкционируется коллективно и идеологически, а сама сфера идеоло-

гии оказывается открытой для ответной интимности. <...> Субъективный опыт предстает при этом не просто социализованным, но и предельно идеологизированным, заставляющим считаться с тем, что жизнь со всеми ее радостями и горестями – это лишь то, что санкционируется коллективом и властью» [Богданов 2007]. Таким образом, в работе показан процесс идеологизации жанра колыбельной в советское время. Если обратиться к истории исследования жанра, то восприятие колыбельных через призму «воспитания», «формирования» тоже оказывается идеологическим концептом и данью традиции, восходящей к концу XIX века.

Остается добавить, что культурный концепт колыбельной формировался еще в дореволюционных работах [Ветухов 1892: 132; Добряков 1914: 146]. Более того, все, что связано с детьми, описывалось через идею воспитания. В этом отношении исключительно справедливо замечание К. А. Богданова о том, что «язык научного описания в большей степени, чем „обыденный“ язык, „типизирует“ реальность» [Богданов 2007]. Практически все исследователи без приведения какого-либо фактического материала отмечали педагогическую направленность колыбельных. Отмечу также и еще одно немаловажное обстоятельство: о воспитательном аспекте колыбельных часто писали исследователи-мужчины, вряд ли имевшие дело с реальным процессом успокоения ребенка (А. Ветухов, Г. О. Добряков, М. Н. Мельников). Более близок к оценке реальной ситуации в этом отношении В. В. Головин, чье исследование колыбельной в значительной степени построено на привлечении полевого материала. Он отмечает, что колыбельная нужна для того, чтобы освободить время баюкающей: «Мать или нянька стремились в кратчайшее время усыпить ребенка, навеять ему здоровый, спокойный сон, освободить себе время для работы и отдыха» [Головин 1999: 97]. Рассказ А. П. Чехова «Спать хочется» описывает более реальное положение вещей. Маленькая девочка, работающая нянькой и страдающая от недосыпания, убивает своего подопечного.

А. Н. Мартынова, приводя классификацию жанра, разделяет колыбельные песни на императивные, повествовательные и песни других жанров. Целью классификация является выявление генезиса жанра. Автор делает выводы о более древнем происхождении песен первой группы (императив-

ные песни) и более позднем – песен второй группы (повествовательные песни). При классификации колыбельных автор рассматривает жанр как функциональный, направленный на ребенка: «Основная функция колыбельных песен – усыпление ребенка, вторая не менее важная их функция – воспитательная: они приобщают ребенка к человеческой речи, знакомят его с окружающими людьми, предметами, животными и т. д. Колыбельные песни имеют и эстетическое значение, выражают эмоциональное отношение исполнительницы к окружающему миру, и в первую очередь к ребенку» [Мартынова 1974: 101].

Итак, связь жанра колыбельных с воспитательной функцией – дань традиции, идущей от идеи восприятия жанров детского фольклора как средства народной педагогики. В этом отношении советская и досоветская идеологии характеризуются преемственностью: основные тенденции направленного идеологического воздействия на воспитуемых по сути не изменились, оставив своей целью взрастить легко управляемого гражданина, человека нового времени.

Литература

Богданов 2006 – Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.

Богданов 2007 – Богданов К. А. Право на сон и условные рефлекс: колыбельные песни в советской культуре (1930–1950-е годы) // Новое литературное обозрение. № 86. 2007. С. 7–46. Цит. по: сайт «Журнальный зал» [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/bo1-pr.html>

Ветухов 1892 – Ветухов А. Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 15. С. 96–115.

Гвоздецкий 2010 – Гвоздецкий М. Ю. Развитие идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания в теории и практике общественного образования. Ярославль, 2010.

Головин 1999 – Головин В. В. Убаюкивания Клавдии Фоминичны Петровой // Живая старина, 1999. № 1.

Добряков 1914 – Добряков Г. О колыбельных песнях // Вестник воспитания. 1914. № 8. С. 145–156.

Крупская 1988 – Крупская Н. К. Избранные произведения. М., 1988.

Мартынова 1974 – Мартынова А. Н. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101–116.

Мельников 1970 – Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970.

Степанов 2007 – Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

Даль 1935 – Даль В. И. Толковый словарь. В 4 т. Т. 1. М., 1935.

Ожегов 2004 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2004.

Ушаков 1994 – Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1994.

Ушинский 1856 – Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Цит. по: сайт „Lib.ru“ [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/u/ushinskij_k_d/text_0050.shtml